

Конан-Дойль Артур

Ошибка капитана Шарки

Артур Конан Дойль

Ошибка капитана Шарки

Шарки, чудовище Шарки, снова вышел в море. После двухлетнего пребывания у Коромандельского побережья его черный корабль смерти под названием "Счастливое избавление" снова бороздил Карибское море в поисках добычи, а рыболовные и торговые суда, завидя залатанный грот-марсель, медленно поднимающийся над лиловой гладью тропического моря, бросались бежать, спасаясь от пирата.

Прослышав, что им опять грозит страшный бич океана, занимавшиеся своим делом суда, от китобойцев Нантакета до кораблей из Чарльстона, перевозящих табак, от испанских грузовых судов из Кадикса до кораблей Вест-Индии, трюмы которых набиты сахаром, становились похожими на птиц, разлетающихся в стороны, когда на поле упадет тень ястреба, или обитателей джунглей, прячущихся в страхе, когда в ночной тьме раздастся хриплый рев тигра.

Одни жались к берегам, готовые в любой момент укрыться в ближайшем порту, а другие плавали далеко за пределами известных торговых путей, но всем им дышалось легко и свободно только тогда, когда пассажиры и груз находились под защитой пушек какого-нибудь форта.

По всем островам ходили слухи о найденных в море обгорелых останках кораблей, о вспышках, внезапно озарявших ночной мрак, и об иссушенных солнцем трупах, распростертых на багамских песчаных косах. Все это были обычные признаки того, что Шарки вновь ведет свою кровавую игру.

Эти прекрасные воды и заросшие пальмами острова с желтой кромкой песчаных берегов уже не одно столетие являлись излюбленным прибежищем пирата. Сначала им был дворянин, искатель приключений, человек чести и голубой крови, он сражался, вдохновляемый патриотизмом, хотя всегда изъявлял готовность взять свою долю награбленной испанцами добычи.

Веком позднее эта романтическая фигура исчезает, уступая место пиратам-разбойникам, отъявленным грабителям; однако они подчинялись определенному, ими же выработанному уставу, слушались своих прославленных капитанов и порой совместно проводили крупные, хорошо организованные операции.

Но и они исчезли вместе со своими флотилиями, наводившими ужас на города, а им на смену пришел самый страшный из пиратов - пират-одиночка, пират-изгнанник, кровожадный Измаил морей, объявивший войну всему человечеству. То было подлое племя, порожденное восемнадцатым веком, и самым отвратительным из них был капитан Шарки; никто не мог равняться с ним ни по дерзости, ни по своим порокам и низости.

В начале мая 1720 года барк "Счастливое избавление" дрейфовал с зарифленными парусами в пяти милях к западу от Наветренного пролива, поджидая, когда попутный ветер пригонит к нему какое-нибудь богатое безоружное судно.

Он стоял там уже три дня - черное, зловещее пятно в центре огромного сапфирового круга воды. Далеко к юго-востоку на горизонте вырисовывались невысокие голубые горы Эспаньолы.

Час за часом проводил Шарки в бесплодном ожидании, и им овладевало дикое раздражение - его надменный дух прямо-таки воспламенялся, когда встречал противодействие, пусть даже оказанное самой судьбой. Заливаясь гнусным, гогочущим смехом, он сказал в ту ночь своему старшине-рулевому Нэду Галлоуэю, что за столь долгое и томительное ожидание команда первого же захваченного им судна расплатится сполна.

Просторная каюта пиратского корабля была полна дорогих, но испорченных вещей и представляла удивительную смесь роскоши и беспорядка. Панельная обшивка из резного и полированного сандалового дерева была покрыта грязными пятнами и продырявлена пулями во время какого-то буйного пиршества.

На парчовых диванах валялись груды пышного бархата и кружев, а изделия из редких металлов и ценные картины заполняли каждую нишу и каждый уголок, ибо все, что привлекло внимание пирата на разграбленных им бесчисленных судах, было свалено в его каюте. Пол был устлан дорогим мягким ковром, но и тот был испещрен пятнами от вина и прожжен табачным пеплом.

Большая медная лампа, подвешенная к потолку, освещала ярким желтым светом эту необыкновенную каюту и двух мужчин, сидящих за столом. На столе стояло вино, мужчины были без курток и, сидя в одних рубашках, резались в пикет. Оба курили длинные трубки, и тонкий синий дымок клубился в воздухе и уплывал через полуоткрытый люк в потолке, сквозь который виднелся кусок темно-фиолетового неба, усеянного крупными серебряными звездами.

Нэд Галлоуэй, человек громадного роста, был непутевым отпрыском, гнилым сучком на цветущем древе пуританского рода из Новой Англии. Гигантскую фигуру и мощные конечности он унаследовал от своих богобоязненных предков, а дикий, кровожадный нрав был его личной собственностью. Заросший бородой до самых висков, со свирепыми синими глазами, спутанной львиной гривой жестких темных волос и огромными золотыми серьгами в ушах, в Карибском море он был кумиром женщин в каждом портовом притоне от Тортуги до Маракайбо. Красная шапка, синяя шелковая рубашка, коричневые бархатные штаны, перехваченные яркими лентами у колен, и высокие морские сапоги составляли наряд этого пиратского Геркулеса.

Совсем иным был капитан Джон Шарки. Его худая, длинная, гладко выбритая физиономия своей бледностью напоминала лицо покойника, и знойное южное солнце придало ей лишь пергаментный оттенок. У него были похожие на паклю, уже основательно поредевшие волосы и крутой узкий лоб. Острый тонкий нос выдавался вперед, а близко посаженные мутно-голубые глаза были окружены красным ободком, как у белого бультерьера, и от этих глаз даже сильные духом люди отводили взгляд со страхом и отвращением. Его костлявые руки с длинными, тонкими пальцами находились в непрерывном движении, точно щупальца насекомого, играя то картами, то золотыми луидорами, груда которых лежала перед ним. Одежда его была из какой-то темной ткани, но люди, которым случалось смотреть на это страшное лицо, едва ли обращали внимание на костюм капитана.

Внезапно игра была прервана; рывком отворив дверь, в каюту вломилась двое грубых с виду мужчин: боцман Израэл Мартин и канонир Рэд Фоли. В то же мгновение Шарки уже стоял на ногах, зажав в каждой руке по пистолету, а в глазах его сверкал злобный огонь.

- Чтоб вам сдохнуть, негодяи! - заорал он. - Я вижу, что, если время от времени не отправлять одного из вас на тот свет, вы забываете, кто я такой. Как вы смели ворваться в мою каюту, - что это вам, кабак?

- Брось, капитан Шарки, - сказал Мартин, и его кирпично-красное лицо еще больше потемнело. - Вся эта брань навязла у нас в ушах, довольно уж мы ее наслышались.

- Хватит с нас, - поддержал его канонир Рэд Фоли. - Раз на пиратском судне нет помощников, боцман, канонир и квартирмейстер - те же офицеры.

- Я этого не отрицаю, - выругавшись, проворчал Шарки.

- Ты нас всячески обзываешь в присутствии матросов, и сейчас мы не знаем, стоит ли нам рисковать своей шкуркой, защищая твою каюту от тех, кто собрался там на баке.

Шарки почувствовал, что запахло бунтом. Он положил пистолеты на стол и откинулся на спинку кресла, сверкнув своими желтыми клыками.

- Дело дрянь, - проговорил он. - Дело дрянь, если двое смелых парней, которые опустошили вместе со мной не одну бутылку вина и перерезали не одну глотку, затевают ссору из-за сущего пустяка. Я знаю, вы отважные ребята и пошли бы со мной против самого дьявола, если бы я вас попросил. Эй, слуга, принеси кружки, утопим в вине все наши раздоры.

- Не время пить, капитан Шарки, - возразил Мартин. - Люди собрались на совет вокруг грот-мачты и вот-вот явятся сюда. Они что-то замышляют, капитан Шарки, и мы пришли тебя предупредить.

Шарки вскочил на ноги и схватил шпагу, которая висела на стене, поблескивая медной рукояткой.

- Чтоб им сдохнуть, мерзавцам! - крикнул он. - Они сразу образумятся, как только я проткну одного из этих молодчиков, а то и сразу пару.

Он рванул к двери, но ему преградили путь.

- Их сорок человек, и во главе их шкипер Суитлокс, - сказал Мартин, - и как только ты

появишься на палубе, они наверняка разорвут тебя в клочья. Сюда в каюту они вряд ли посмеют войти, побоятся наших пистолетов.

В этот миг с палубы донесся топот тяжелых сапог. Затем наступила тишина, и не было слышно ни звука, кроме мерного плеска воды о борт корабля. Затем раздался грохот, словно в дверь били рукояткой пистолета, и в тот же миг сам Суитлокс, высокий черноволосый человек с темно-красным родимым пятном на щеке, ворвался в каюту. Однако встретив взгляд бесцветных, тусклых глаз, он несколько сник, утратив свой гонор.

- Капитан Шарки, - сказал он. - Я пришел как представитель команды.

- Мне это известно, Суитлокс, - вкрадчиво ответил капитан. - За то, что ты натворил нынче ночью, тебя следовало бы прикончить.

- Может, и так, капитан Шарки, - продолжал шкипер, - но если ты взглянешь наверх, то убедишься, что за мной стоят люди, которые не дадут меня в обиду.

- Не дадим, будь мы прокляты! - прогремел сверху чей-то бас, и, подняв глаза командиры увидели в открытом люке множество свирепых, дочерна загорелых бородатых лиц.

- Ну так что вы хотите? - спросил Шарки. - Говори, парень, и быстрее с этим покончим.

- Ребята решили, - сказал Суитлокс, - что ты сам дьявол и что у нас не будет удачи, пока мы ходим с тобой по морям. Было время, когда нам попадалось два, а то и три корабля в день, и каждый из нас имел столько женщин и монеты, сколько хотел. А теперь уже целую неделю мы не поднимали паруса и с тех пор, как миновали Багамскую банку, кроме трех нищенских шлюпов, не захватили ни одного судна. Кроме того, ребятам стало известно, что ты прикончил плотника Джека Бартоломью, огрев его черепком по голове, и теперь каждый из нас боится за свою жизнь. Да и ром уже весь вышел, а нам страсть как охота выпить. И потом ты сидишь у себя в каюте, а по уставу тебе полагается пить и веселиться вместе с командой. Вот поэтому мы сегодня, посоветовавшись, решили...

Шарки бесшумно взвел под столом курок пистолета, и, возможно, мятежный шкипер так никогда бы и не окончил свою речь, но в этот самый миг на палубе раздался быстрый топот ног и в каюту ворвался возбужденный корабельный юнга.

- Корабль! - закричал он. - Близко по борту большой корабль!

Распря мгновенно была забыта - пираты бросились по своим местам. И действительно, плавно колыхаясь на волнах, подгоняемый мягким тропическим ветерком, прямо на них на всех парусах шел тяжело груженный корабль.

Было ясно, что он шел издалека и не знал порядков, господствовавших в Карибском море, ибо не сделал ни малейшей попытки уклониться от встречи с низким черным судном, стоявшим на его пути, а прямо двигался на него, видимо, небольшой барк не внушал ему никаких опасений.

Торговое судно шло так смело, что на мгновение пираты, уже бросившиеся к пушкам и поднявшие боевые фонари, решили, что их застиг врасплох военный корабль.

Но при виде невооруженных бортов и оснастки торгового судна из их груди вырвался ликующий вопль, и в ту же секунду десятки головорезов с криками и руганью вскарабкались на фока-рей и ринулись оттуда вниз на палубу, взяв встречный корабль на абордаж.

Шестерых матросов, которые несли ночную вахту, прикончили на месте, сам Шарки ударом шпаги ранил помощника капитана, а Нэд Галлоуэй сбросил несчастного за борт, и, прежде чем спящие успели, подняться со своих коек, судно очутилось в руках пиратов.

Добычей оказался прекрасно оснащенный корабль "Портобелло", под командованием капитана Гарди направляющийся из Лондона в Кингстон на Ямайке с грузом хлопчатобумажных тканей и скобяных изделий.

Собрав на палубе своих ошеломленных и обезумевших от страха пленников, пираты разбрелись по кораблю в поисках добычи, передавая все, что попадалось под руку, гиганту-квартирмейстеру, который, в свою очередь, передавал награбленное на борт "Счастливого избавления", где все вещи складывались у грот-мачты и тщательно охранялись.

Груз никого не интересовал, но в сейфе нашли тысячу гиней, а среди пассажиров, которых было человек десять, оказались три богатых ямайских купца, возвращавшихся домой из Лондона с туго набитыми кошельками.

Когда все ценное было собрано, пассажиров и моряков захваченного судна потащили на шкафут, откуда по приказу Шарки, смотревшего на это с ледяной улыбкой, их поочередно бросали за борт, причем Суитлокс, стоя у поручней, награждал каждого ударом тесака, чтобы какой-нибудь хороший пловец не предстал впоследствии перед судом в качестве свидетеля обвинения. Среди пленников была полная седовласая женщина, жена плантатора, но и ее, несмотря на крики и мольбы о пощаде, бросили за борт.

- Пощады ищешь, тварь? - заржал Шарки. - Лет двадцать назад ты, может, ее бы заслужила.

Капитан "Портобелло", еще бодрый, крепкий старик с голубыми глазами и седой бородой, остался на палубе последним. Он стоял в свете фонарей со спокойным и решительным видом, а перед ним кланялся и кривлялся сам Шарки.

- Капитаны должны уважать друг друга, - сказал Шарки, - и будь я проклят, если не знаю, как вести себя. Видишь, я дал тебе возможность умереть последним, как и подобает смельчакам. Теперь, дружище, ты видел их конец и можешь с легким сердцем отправиться вслед за ними.

- Так я и сделаю, капитан Шарки, - сказал старый моряк, - ибо я по мере моих сил выполнил свой долг. Но прежде чем я отправлюсь за борт, мне хочется кое-что тебе шепнуть.

- Если ты собираешься просить пощады, можешь не стараться. Ты заставил нас ждать целых три дня, и будь я проклят, если хоть один из вас останется в живых.

- Нет, я хочу лишь рассказать то, что тебе следует знать. Вы и не подозреваете, что является настоящим сокровищем на борту этого судна.

- Вот как? Черт меня побери, я вырежу тебе печенку, капитан Гарди, если ты не расскажешь нам все! Где сокровище, о котором ты говоришь?

- Это сокровище не золото, а прекрасная девушка, которая достойна не меньшего внимания.

- Где же она? И почему ее не было среди других?

- Я скажу тебе, почему ее не было среди нас. Она единственная дочь графа и графини Рамирес - вы убили их вместе с другими. Ее зовут Инее Рамирес; в ее жилах течет самая благородная кровь Испании. Они направлялись в Чагру, куда ее отец был назначен губернатором. В пути стало известно, что она, как это случается с девушками, влюбилась в человека гораздо ниже ее по званию, который тоже был здесь на борту; поэтому ее родители, могущественные люди, приказания которых нельзя было противоречить, заставили меня заключить ее в отдельную каюту позади моей собственной. Там она содержалась в строгости, ей приносили еду и никого не позволяли видеть. Это мой последний подарок тебе, хотя я и сам не знаю, зачем рассказал о ней, - ведь ты действительно самый отъявленный негодяй, и перед смертью меня утешает только мысль о том, что на этом свете тебе суждено стать добычей виселицы, а на том тебя ждет ад.

С этими словами он подбежал к поручням и прыгнул в темноту: опускаясь в морские глубины, он молился лишь о том, чтобы предательство по отношению к девушке не легло слишком тяжелым грехом на его душу.

Тело капитана Гарди на глубине сорока саженей еще не коснулось песчаного дна, как пираты уже побежали к указанной каюте.

В дальнем углу действительно оказалась запертая дверь, которую они прежде не заметили. Ключа не было, но они принялись выбивать дверь ружейными прикладами, между тем как изнутри раздавались отчаянные крики. При свете фонарей они увидели забившуюся в угол юную девушку редкой красоты; ее длинные спутанные волосы спадали до самых пят, она забилась в угол, в ужасе глядя расширенными темными глазами на свирепых, залитых кровью пиратов. Грубые руки схватили ее, поставили на ноги, и пираты с воплями потащили ее туда, где находился Джон Шарки. Протянув вперед фонарь, он долго с наслаждением всматривался в ее лицо, а затем с громким смехом наклонился и окровавленной рукой коснулся ее щеки.

- Это печать пирата, девочка, он клеймит ею свои сокровища. Отведите ее в каюту и обращайтесь с ней хорошо. А теперь, друзья, потопим это судно и будем вновь пытаться счастье.

Не прошло и часа, как огромный "Портобелло" пошел ко дну и лег рядом со своими мертвыми пассажирами на песчаном дне Карибского моря, а пиратский барк с награбленным добром направился к северу в поисках очередной жертвы.

В ту же ночь в каюте "Счастливого избавления" было устроено пиршество, участники которого

основательно напились. Это были капитан, Нэд Галлоуэй и Плешивый Стейбл, врач, сначала практиковавший в Чарльстоне, но вынужденный бежать от правосудия и предложивший свои услуги пиратам после того, как уморил одного из пациентов. Стейбл был обрюзгший субъект, с шеей в жирных складках и лысым сверкающим черепом, - ему он и был обязан своим прозвищем. Шарки, зная, что ни один зверь не бывает свирепым, когда он сыт, на время забыл о бунте; экипаж был доволен: всем досталось немало добра с "Портобелло", - и капитану нечего было бояться. Поэтому он пил, орал во все горло и хохотал вместе со своими собутыльниками. Разгоряченные, осатаневшие, они были готовы на любое зверство. И вдруг Шарки вспомнил о девушке. Он приказал слуге-негру немедленно привести ее.

Инее Рамирес теперь знала все, она поняла", что отец и мать ее убиты и она попала в руки их убийц. Но вместе со знанием к ней пришло и спокойствие, поэтому, когда ее привели в каюту, на гордом, смуглом ее лице не было и следа страха, она только решительно сжала губы, да глаза у нее сверкнули ликующим блеском, как у человека, который исполнен светлых надежд. И когда предводитель пиратов встал и схватил ее за талию, она лишь улыбнулась в ответ.

- Клянусь богом, девчонка с изюминкой! - закричал Шарки, обнимая ее. Она рождена, чтобы стать любовницей пирата. Сюда, моя птичка, выпей за нашу дружбу.

- Статья шестая! - заикнулся доктор. - Вся добыча поровну.

- Да! Не забудь об этом, капитан Шарки, - подтвердил Галлоуэй. - Так сказано в статье шестой.

- Я разрублю на куски того, кто встанет между этой девушкой и мною! зарычал Шарки, переводя свои рыбы глаза с одного на другого. - Нет, девочка, еще не родился человек, который заберет тебя у Джона Шарки. Садись ко мне на колени и обними меня вот так. Будь я проклят, если она не полюбила меня с первого взгляда! Скажи мне, милочка, почему с тобой так плохо обращались на том корабле и даже заперли в отдельную каюту?

Девушка качнула головой и улыбнулась.

- No inglese... No inglese [не говорю по-английски (исп.)], пролепетала она.

Она выпила бокал вина, который протянул ей капитан, и ее темные глаза заблестели еще ярче, чем прежде. Сидя на коленях у Шарки, она обняла его за шею и играла его волосами, гладила уши и шею. Даже отчаянный старшина и бывалый доктор смотрели на нее с удивлением, смешанным с ужасом, но Шарки лишь радостно смеялся.

- Будь я проклят, если эта девочка не само пламя! - кричал он, прижимая ее к себе и целуя покорные губы.

Но вдруг внимательный взгляд доктора, неотступно следивший за ней, стал странно напряженным, а лицо окаменело, словно ему в голову пришла какая-то страшная мысль. Пепельно-серая бледность покрыла его бычью физиономию, всегда красную от вина и тропического солнца.

- Посмотри на ее руку, капитан Шарки! - закричал он. - Ради бога, взгляни на ее руку!

Шарки уставился на руку, которая ласкала его. Она была странного мертвенно-бледного цвета, с желтыми лоснящимися перепонками между пальцев. Кожа была припудрена белой пушистой пылью, напоминавшей муку на свежее испеченной булке. Пыль густым слоем покрывала шею и щеку Шарки. С криком отвращения он сбросил женщину с колен, но в тот же миг, издав торжествующе злобный вопль, она, как дикая кошка, прыгнула на доктора, который с пронзительным визгом исчез под столом. Одной клешней она вцепилась в бороду Галлоуэя, но он вырвался и, схватив пику, отогнал женщину от себя; она что-то невнятно бормотала и гримасничала, а глаза у нее горели, как у маньяка.

Услышав крики, в каюту вбежал черный слуга, и им сообща удалось снова водворить обезумевшее создание в каюту и запереть на ключ. Затем все трое, задыхаясь и с ужасом глядя друг на друга, опустились в кресла. Одна и та же мысль сверлила мозг каждого, но Галлоуэй первым заговорил об этом.

- Прокаженная! - крикнул он. - Она заразила всех нас, будь она проклята.

- Только не меня, - ответил доктор, - она не тронула меня даже пальцем.

- Черт возьми, - закричал Галлоуэй, - она дотронулась только до моей бороды! Я сбрую ее еще до рассвета.

- Ну и дурака же мы свалили! - воскликнул доктор, ударяя себя по голове. - Заразились мы или нет, но у нас теперь не будет и минуты покоя, пока не пройдет год и не минет опасность. Ей-богу, покойный капитан хорошо нам отомстил. И как мы могли поверить, кретины, что девчонку засадили в отдельную каюту из-за каких-то там шашней. Ясно, как день, что ее болезнь заметили уже в пути; не бросать же ее за борт - им только и оставалось, что держать ее взаперти, пока они не придут в какой-нибудь порт, где имеется лепрозорий.

Мертвенно-бледный Шарки, откинувшись на спинку кресла, слушал доктора. Красным носовым платком он стер роковую пыль, которой был усыпан.

- Что же будет со мной? - зарычал он. - Что ты скажешь, Плешивый Стейбл? Есть у меня какой-нибудь шанс на спасение? Будь ты проклят, негодяй! Говори, не то я изобью тебя до полусмерти, а то и совсем прикончу! Есть у меня хоть один шанс?

Но доктор отрицательно "покачал головой.

- Капитан Шарки, - сказал он, - было бы бесчестно обманывать тебя. Ты заражен. Ни один человек, на которого попали чешуйки проказы, не может спастись.

Охваченный ужасом Шарки опустил голову на грудь и сидел неподвижно; перед его тусклым взором уже вставало безотрадное будущее. Квартирмейстер и доктор тихо поднялись со своих мест и украдкой выбрались из душной, зараженной каюты на свежий утренний воздух. Мягкий, душистый ветерок овеял их лица. Кудрявые розовые облака уже ловили первый блеск солнца, поднимающегося из-за поросших пальмами гор далекой Эспаньолы.

В то же утро у грот-мачты состоялся второй совет, где выбрали представителей, которых послали за капитаном. Когда они подошли к каюте, из нее вышел Шарки с патронташем и двумя пистолетами; в глазах его горел все тот же дьявольский огонь.

- Будьте вы прокляты, негодяи! - заорал он. - Неужели вы осмелитесь поднять на меня руку? Назад, Суитлокс, или я уложу тебя на месте! Ко мне, Галлоуэй, Мартин, Фоли, ко мне, загоним собак обратно в конуру!

Но командиры покинули его, и никто не пришел ему на помощь. Пираты бросились на Шарки. Один был убит, но спустя минуту Шарки схватили и привязали к грот-мачте. Мутный взгляд капитана переходил с одного лица на другое, и люди, встретив его, поспешно отводили глаза.

- Капитан Шарки, - сказал Суитлокс, - ты плохо обращался с нами, ты убил плотника Бартоломео, размозжив ему голову черпаком, а сейчас ты застрелил Джона Мастерса. Все это можно было бы простить тебе, потому что долгие годы ты был нашим капитаном и мы подписали контракт, обязавшись служить под твоей командой до конца нынешнего плавания. Но теперь мы слышали об этой девчонке и знаем, что ты заражен до мозга костей, а пока ты здесь, мы тоже можем заразиться, будем гнить и разлагаться заживо. Поэтому, Джон Шарки, мы, пираты "Счастливого избавления", посоветовавшись, решили, пока еще не поздно и зараза не успела распространиться, отправить тебя в шлюпке навстречу твоей судьбе.

Джон Шарки ничего не ответил, но, медленно повернув голову, проклял их всех яростным взглядом. Спустили судовую шлюпку и, не развязывая ему рук, сбросили его туда на тресе.

- Рубить концы! - крикнул Суитлокс.

- Обожди минуту, шкипер Суитлокс! - сказал кто-то из матросов. - А что же с девчонкой? Она будет сидеть здесь и погубит всех нас?

- Отправить ее вместе с любовником! - завопил другой матрос, и пираты громкими криками выразили свое одобрение.

Девушку привели, подталкивая пиками, и подтолкнули к шлюпке. В ее гниющем теле горел гордый испанский дух, и она бросала торжествующие взгляды на своих мучителей.

- Perros! Perros ingleses! Leproso, leproso! [Собаки! Собаки англичане! Прокаженные, прокаженные! (исп.)] - в исступлении кричала она, когда ее бросили в шлюпку.

- Желаем удачи, капитан! Попутного ветра на весь медовый месяц! кричал хор насмешливых голосов, когда концы были отданы, ветер надул паруса барка и шлюпка осталась далеко за кормой - крошечная точка в необозримом просторе пустынного моря.

Выписка из судового журнала пятидесятипудового корабля "Геката" флота его величества во время рейса по Карибскому морю.

"26 января 1726 года. Сегодня, поскольку солонина стала непригодной для еды и пятеро матросов заболели цингой, я приказал отправить две шлюпки на берег к северо-западной оконечности Эспаньолы для поисков свежих фруктов и диких коз, которыми изобилует этот остров.

Семь часов пополудни того же дня. Шлюпка вернулась с большим запасом фруктов и двумя козами. Шкипер Вудраф сообщает, что вблизи места высадки на опушке леса был обнаружен скелет женщины, одетой в роскошное платье европейского покроя, из чего можно заключить, что она принадлежала к знати. Ее череп был пробит большим камнем, который валялся поблизости. Рядом находилась хижина, и по некоторым признакам, как-то: обгорелые дрова, кости и другие следы, - можно было убедиться, что в ней некоторое время жил человек. На берегу ходят слухи о том, что в этих краях в прошлом году отсиживался кровожадный пират Шарки, но никто не знает, отправился ли он в глубь острова или был подобран каким-нибудь кораблем. Если он снова в море, молю бога направить его под наши пушки".